Василий Ханевич

# «БОЛЬШАЯ» И «МАЛАЯ» ЗОНЫ СТЕПАНИДЫ МЕЙРАН

«Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. То, что произошло, - предупреждение. Надо всё время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить её. Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что это действительно происходило, - так писал в своей книге «Смысл и значение истории» известный историк и философ Карл Ясперс.

Частью этого прошлого, как ни прискорбно осознавать, с полным правом можно назвать концентрационные лагеря как неотъемлемую примету XX века. Конечно, мир знает и помнит не только советские лагеря и тюрьмы. Но именно советский ГУЛАГ оказался одним из самых долговечных.

По мнению Жака Росси, французского исследователя, кто на своем личном опыте испытал «прелести» ГУЛАГа в течение почти четверти века, а после выхода из сибирских лагерей написал и издал свой знаменитый «Справочник по ГУЛАГу», именно советские лагеря были самым точным воплощением создавшего его государства. Это сравнение давало некоторым нашим мыслящим людям основание сказать, что освобождаемого из лагеря заключённого не освобождают, а всего лишь переводят из «малой» зоны в «большую».

В своё время в 1992 году в Варшаве во время международной конференции мне приходилось встречаться с этим легендарным человеком и слушать его страстное и эмоциональное выступление на данную тему, как и присутствовать тогда на презентации его очередного переиздания «Справочника по ГУЛАГу».Участниками той памятной для меня конференции были также Лев Копелев и другие известные историки и публицисты, писавшие в своё время о ГУЛАГе, однако наибольшее впечатление на меня тогда произвели не их доклады, а выступления – воспоминания простых варшавянок, оказавшихся в 40-е годы в наших сибирских лагерях. И всё же это были люди, которым в конечном итоге удалось выйти не только из «малой» зоны, но и покинуть зону «большую». Конечно, социалистическая Польша тоже длительное время после Второй мировой войны была частью «единого социалистического лагеря», но не зря её называли «самым весёлым бараком» этого лагеря....

Иными не только по тональности, но и по собственным ощущениям пережитого показались мне воспоминания других ветеранов ГУЛАГа. Тех, которые не только после выхода из «малой» зоны остались в зоне «большой», но и большую часть своей жизни в ней прожили, не сознавая, что живут в ней не как свободные граждане свободной страны, а как рабы в деспотическом государстве.

Примером этого может стать судьба Степаниды Мейран, дочери польского переселенца, практически всю свою долгую жизнь прожившую в Сибири и другой жизни не знавшей. Довелось этой совершенно

безграмотной, но от природы скромной и добрейшей женщине в своей жизни побыть не только в роли советского зека, но и в этой «малой» зоне стать матерью. Вот какая запись о ней есть в книге «Боль людская»:

**Мейран Степанида Ивановна, 1913 г.р. Родилась в с. Нароты Ошмянского уезда Виленской губернии. Проживала в г. Томске в пос. спичфабрики «Сибирь», лущильщик спичфабрики. Арестована в 1938 году. Осуждена на 8 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.***

Из чего складывались, и что собой представляли в её жизни эти «две зоны» видим из бесхитростного рассказа - воспоминания этой женщины, записанного мной у неё в маленькой квартирке в один из осенних дней 1999 года.

- Привезли меня в Сибирь, когда мне было всего полгода. До этого родители жили где-то в Виленской губернии. Поехали в Сибирь из-за земли. Поселились в деревне Двухречье, что была в Томском районе. Родители хозяйством занимались. Работать нас с детства приучали. Отец надорвался на работе и умер. Умерла и мама, когда мне было лет двенадцать. Учиться некогда было, так и выросла неграмотная. Потом меня отдали замуж, и мы переехали на «спичку» в Томск, в посёлок, что был возле спичечной фабрики. На этой фабрике муж работал года два, а потом и я пошла туда работать. Ребёнок родился…

В тридцать седьмом году, точно не помню месяца, моего мужа, Мейран Ивана Данатовича, арестовали. За что мужа арестовали, я не знала тогда, да и сейчас не знаю. Ничего не предполагала. Я неграмотная была, не знала даже, что есть какие-то статьи особые, политические… Думала, что он может, что на фабрике что-то натворил, но ничего такого не слышно было. Он был такой спокойный, безотказный. Работал машинистом в лущильном цехе. Куда идти узнавать, что с ним я не знала.

8 июля 38 года ко мне приехала милиция, а какая милиция я не знаю. Приехали, сказали, что приглашают на допрос мужа. Я схватилась, пиджачок какой-то одела, дитё трех лет дома одно оставила, ведь скоро вернусь, и поехала. Но меня обратно не отпустили. Завели меня в камеру небольшую, в которой было уже человек сорок, не меньше. Дышать было нечем. Мы одну небольшую щелочку нашли, подходили и дышали возле неё по очереди. Единственна мысль в голове была: вот бы мне сейчас на волю выйти, вот тогда бы я уж воздухом вволю надышусь. Я раньше не понимала, как это может воздуха не хватать. Вызвали меня один раз на допрос, я слезами заливалась, что мне тогда говорили, я и на сегодняшний день не знаю. Сидели там в камере со мной люди разные, были среди них и люди грамотные, учёные. Некоторые из них перестукивались по трубам. Говорили, что один арестованный, в прошлом какой-то прокурор, обращался с уговорами не сопротивляться и подписывать, что скажут следователи, так как сопротивляться бесполезно. Но как сообщали, он передавал, что сделал голодовку. Это были его последние слова.

Я подписала все, что написал следователь, а что он там написал, я и по сегодняшний день не знаю. За что посадили, ничего не знаю. Если бы я курицу зарубила чужую, то я бы знала за что сижу, а так не знаю. Что это за следователь был, тоже не знаю, ведь я на него и взглянуть боялась.

Это уже когда я срок отсидела, и с меня судимость снимали, мне сказали, будто - бы я какой-то подпольной работой занималась, якобы склады взрывала, бомбы подкладывала. Якобы всё это делала с какой-то Пшедбельской, с которой я- то впервые познакомилась только в камере… Мне много позже человек из КГБ, что моё дело смотрел, говорил, что мне до расстрела всего-то каких-то двух пунктов не хватило.

Подошло время на этап, загнали нас в какую-то нетопленую комнату. Одежды тёплой нет. Ведь меня же, как и многих других, летом арестовали. Кто босиком, кто в летних туфельках. Когда за мной пришли, сказав, что на допрос мужа вызывают, я обрадовалась, что мужа увижу, и, может его отпустят. Ничего с собой не взяла, ничего тёплого не одела.

Сначала отправили меня на Урал, на Север. Там на лесоповале работала, на разгрузке вагонов. Работа в две смены. Выматывалась ужас как. Шла как-то, за валежину зацепилась и упала. Лежу и думаю: вот бы так всё время лежать и не вставать… Нет, встала, пошла… Приволочешься с работы в барак, бушлат мокрый, обсушиться невозможно. Завалишься на топчан, укроешься этим же бушлатом. Утром встаёшь, а он инеем весь покрыт. В воскресенье тоже не было покоя. Выгоняют на снег, вещи вытряхивают, шмоны устраивают…

Что это за лагерь был, не помню. Был он возле какого-то города. Через два года отправили меня на Воркуту. Там у меня признали болезнь кисту, отправили в другой лагерь на обследование. Кисты не обнаружили, но я в этом лагере так и осталась. Тем и спаслась. Стала работать по сельскому хозяйству. Выполняла разную работу, куда пошлют. Работать стало не так тяжело. Одно только, в этом лагере не могла уснуть: в летнее время там день длился очень долго, солнце совсем не заходило. Зато зимой сплошная ночь на долгое время. Где-то на Севере это было. Потом попала я в лагерь, где находился лагерный детдом. Там и закончила свой срок.

В детдоме были дети заключённых, те, кого в лагере родили. Была в этом детдоме и моя дочь, которую в лагере родила. Ведь арестовали меня, когда я на сносях была… В этом детдоме было 3 барака. В каждом - дети разных возрастов, от грудных до более взрослых. Матерей в эти бараки не допускали, даже если они рядом находились в соседнем бараке. В большинстве же это были дети- сироты. Здесь мне пришлось работать нянечкой, стирать бельё, заниматься его сушкой. Проработала я здесь лет пять. Всего же я отсидела 8 лет, и даже пересидела сверх того три месяца. Когда вышла из лагеря, осталась рядом работать, забрала дочку к себе. Привела к себе, а она всего боится - в лагере выросла дикаркой. В тюрьме я думала только о себе, а тут надо было думать о ребёнке. Всё отдавала дочке, а сама на работу голодная ходила. Один день на разгрузку торфа голодная

пошла, второй день пошла, а на третий день упала от голода. Но жить-то надо было…

Когда сняли с меня судимость, вернулась в 56 году домой в Томск, на прежнее место работы. Вначале долго меня принимать на работу не хотели, пока директор указание не дал принять.

Муж из лагеря так и не вернулся. ** Старший сын вырос без меня по чужим углам, я уже для него чужая стала. Не так долго прожила на этом свете и моя последняя надежда – доченька. Умерла от болезней, что ещё в лагере в детстве к ней привязались. Живу теперь одна, свой век доживаю. Вот взяла к себе старика слепого. За ним ухаживаю. Всё живая душа…

* «Боль Людская». Т.2. с. 245.

** Мейран И.Д., 1911 г.р. машинист спичфабрики «Сибирь». Арестован в 1937 г. Расстрелян.